

СИМВОЛЫ В РУССКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СООБЩЕСТВЕ

Л.Н. Федосеева

Аннотация. Статья посвящена символическому уровню лингвокультуры как наиболее национально специфичному. Определяется природа символа, рассматриваются его трактовки авторитетными учеными, обращавшимися к данной проблеме. Подчеркивается значение символа для лингвокультуры: он позволяет войти в непредметный мир смысловых отношений. Выявляется главное назначение символа – связывать идеальный и реальный миры в сознании человека. Проводится параллель между символами и образами, знаками непрямого номинации. Конкретные примеры позволяют определить символический смысл определенных слов. Автор приходит к выводу, что устойчивая лексическая символика – это репрезентанты социокультурных стереотипов определенного лингвокультурного сообщества. Ее использование позволяет удваивать действительность, располагая рядом с миром непосредственно отражаемых предметов мир образов, отношений и качеств.

Ключевые слова: символ; лингвокультура; лингвокультурное сообщество; образ; смысл; социокультурный стереотип.

С точки зрения философии уникальность этнокультуры создается «той системой организации элементов опыта, которая свойственна лишь данной культуре» [1. С. 68]. С точки зрения психологии такая уникальность обуславливается тем, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перенести на язык культуры другого народа» [2. С. 20].

Символьный уровень лингвокультуры является наиболее национально специфичным. В данном случае под символом понимается единица лингвокультуры, некий культурный предмет, основной функцией которого является формальное (т.е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига [3, 4]. Важность исследования языковых символов объясняется тем, что за ними так же может скрываться культура, как и за этнографией в целом. Важно, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры [5. С. 44]. Э. Кассирер в книге «Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры» приходит к выводу, что «символ – ключ к природе человека. <...> У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое мож-

но назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом измерении реальности», – так интерпретирует ученый кантовское представление о культуре в природе, «как если бы она имела нравственную цель» [6. С. 28]. Э. Кассирер подчеркивает разницу между органическими реакциями и человеческими ответами. В первом случае на внешний стимул дается быстрый ответ, во втором ответ задерживается из-за медленного и сложного процесса мышления. На первый взгляд такая задержка не может считаться приобретением для человека. Однако средств против такого естественного развития лингвокультуры не существует: человек не может избавиться от своего приобретения: «Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека» [Там же. С. 28–29].

Если любой другой знак дает возможность проникнуть в предметную область значений, то символ позволяет войти в непредметный мир смысловых отношений. Через символы мы можем открыть сокровенную часть культуры – живущие в бессознательной сфере и объединяющие людей в единое лингвокультурное сообщество смыслы. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «подлинный символ не просто выражает некий смысл, он еще передает весь спектр его магической силы. Символ обращен к неосознаваемым глубинам человеческой души и, будучи неподконтрольным нашему сознанию, непосредственно затрагивает аффективную сферу человеческого естества» [7. С. 239]. Главное назначение символа – связывать идеальный и реальный миры в сознании человека: «Медиумная функция символа метонимически связана с одушевляющей поведение человека идеей, с исходной речемыслительной программой, использующей наглядно-чувственные образы. При этом следует помнить, что этот наглядно-чувственный образ есть лишь метка идеальной программы, но никак не ее “слепок”, не ее копия. Такая данная чувственно-наглядным образом метка идеальной программы и есть символ. Он не лишен, однако, иконического элемента, но его иконичность является всего лишь иллюзорным представлением “модели мира”. Иконическая часть символа есть индекс подлинного содержания символа, относящегося к «невидимому» миру, который определяет “модель поведения” человека» [Там же].

Символ – это условный образ знаковой природы, в котором видимое, конкретное представляется неким сигналом о скрытом от глаз предмете номинации, служащем копией иной действительности. Отсюда его культурологический смысл – фиксирование связей между реальным и иным миром, рассмотрение их в единстве, стремление «во времени увидеть вечное» [8. С. 249].

Символизируемые объекты по своей сущности – ментальные структуры, концепты второго порядка, или концепты концептов [9. С. 149; 10. С. 50]. Символ представляет собой концепт, близкий образу (поэтому говорят о символических образах). Он национально специфичен и мотивируется смысловой связью, которая существует между предметными и абстрактными элементами его содержания. В этом отношении символ приближается к знакам не прямой номинации. Главное его свойство – способность представлять древние образы (архетипы, по К.Г. Юнгу), которые воплощают картины коллективного бессознательного творчества. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «составной частью ценностно-смыслового пространства человека становится ценностно-символическая интуиция, отвечающая за символическое восприятие и понимание фундаментальных эстетических и этических ценностей. Именно благодаря ценностно-символической интуиции чувственно воспринимаемый образ превращается в средство для адекватной и убедительной передачи идеального смысла» [7. С. 8–9]. Рассмотрим некоторые конкретные примеры, имея в виду, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры [9. С. 44].

В русской лингвокультуре *огонь* (зона огня) – символ большой опасности (*между двух огней, идти в огонь и в воду, попасть из огня да в полымя, пройти сквозь огонь и воду*), *сторона* – символ независимости, отстраненности (*в стороне, стоять в стороне, мое дело – сторона*), *точка* – символ важности, основы (*болевая точка, отправная точка, точка зрения, точка опоры, в самую точку*), *шаг* – символ малого расстояния, близости к чему-то (*на шаг* (от чего), *ни на шаг, в двух шагах, на каждом шагу*).

Болото в славянской мифологии предстает как символ стагнации, распада и гибели, туда в заговорах «ссылаются» все болезни и смерть. Ассоциируемое с ним физическое разложение становится олицетворением разложения духовного, которое происходит в результате отсутствия динамического начала, остановки духовных процессов. Это элемент ландшафта, в котором ощущается недостаток двух активных – воздуха и огня – и избыток двух пассивных – воды и земли – начал. Болото как переходная зона между сушей и водой является одним из пограничных локусов и рассматривается как место обитания нечистой силы: там обитают кикиморы болотные, которые заманивают путников

в тряси́ну, громко призывая о помощи, лесавки – дети кикиморы и лешего. У болота есть свой хозяин и дух-хранитель – болотня́ник, седой старик с широким, желтоватым лицом. Это он пугает идущих через болото резкими звуками, вздо́хами, громкими причмокиваниями, заманивает в тряси́ну самоуверенных и беспечных. См.: *Было б болото, а черти найдутся; Пошел на охоту, да засосало в болото; В тихом болоте (омуте) черти водятся; Не ходи при болоте: черт уши обколотит; болото обывательщины; Ну тебя в болото.*

Небо – воплощение космического верха. Восприятие неба общает к сфере трансцендентального и величественного; все возвышенное, духовное, божественное приписывается небесному. Воздушная стихия неба обуславливает тот факт, что оно мыслится в качестве души, дыхания мира. Обладая свойствами недоступности, огромности, в мифологическом сознании оно наделяется непостижимостью, всеведением, величием [11]. Ср.: *Вознестись до небес; Далеко грешнику до царствия небесного; Небо – терем Божий, Звезды – окна, оттуда ангелы смотрят.*

Открытое, чистое *поле* в русской традиции – опасное, гибельное пространство. Это место битвы с врагом или природой, незащищенное, мужское. Согласно историку культуры А.Дж. Тойнби [12], открытые пространства бросают сообществу живущих там людей сильный вызов, требующий максимальных усилий для выживания. Поэтому у кочевых народов не развивается цивилизация в таких масштабах, как у оседлых. В русской языковой картине мира отразились эти особенности восприятия поля: *Один в поле не воин; Один в чистом поле.*

Особое место в русской культуре занимает слово *бездна*, «которое метафорически соединяет все уровни мирового пространства: небо, землю и то, что под землей» [11. С. 290]. Образ бездны ассоциируется, с одной стороны, со смертью, а с другой – со злом, и эти два образа непосредственно связаны друг с другом. Одно из самых устрашающих и непостижимых свойств бездны, нашедшее отражение в метафорической традиции, – ее притягательная сила. Бездна обычно отождествляется с загробным миром, преисподней; в христианстве сатана получил наименование «князя бездны», что отражает изначальный двойственный смысл бездны как образа смерти и образа зла. В Апокалипсисе ангел небесный заковывает и низвергает в бездну «змия древнего, который есть дьявол и сатана» (Апок. 20). Образ бездны может наделяться различными дополнительными значениями, обусловленными его основной семантикой: бездна – это и преддверие ада, и олицетворение Времени, пожирающего народы и государства, и воплощение неизбежного и иррационального ужаса, сопровождающего существование человека. Наиболее частотные метафоры: *бездна греха, бездна порока.* Но и *бездна души, бездна разума* как неограниченное количество (актуали-

зируется сема необъятного, необозримого пространства, которое человеку невозможно постичь).

Перекресток дорог в русской культуре – знак открытости и магической опасности, место перехода в сакральное пространство. На перекрестках ставили домовины – столбы, на которых выставлялись урны с прахом умерших, покрытые «крышами». Здесь приносили собаку в жертву подземной Гекате. Деревья, растущие на пересечении лесных дорог, «стоеросовые», считались непригодными для строительства жилья. На перекрестках встречались камни, указывающие вариантность судьбы (в русских сказках). Ср.: *на перепутье, на распутье*.

Одна из главных ценностей в русской языковой картине мира – *простор*. Это не только обширное пространство, это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда есть где разгуляться [13]. Пространство может быть замкнутым, ограниченным, простор же характеризуется отсутствием границ. В русском языке есть еще несколько слов, содержащих положительные коннотации – одобрение больших расстояний и отсутствия пространственных ограничений: *даль (дали), размах, ширь, широта, приволе, раздолье*.

Власть бескрайних пространств над русской душой, по меткому выражению Н.А. Бердяева, отмечалась многими: «Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. <...> И в собственной душе чувствует он необъятность, с которой трудно ему справиться. <...> В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков» [Там же. С. 61], что нашло отражение в пословицах: *Любви нужна воля, а уму – простор; Ум простор любит; Улица широка – хороводу простор; Улица не двор: всем простор; Тело в тесноту, а душу на простор; Дам дураку простор – наплачешься; Своя рубаха – свой простор, своя и теснота; Своя избушка – свой простор; С миром везде простор, с бранью везде теснота; Не стерпела душа – на простор пошла; Земной быт – не всему конец, смерть – душе простор; Душа простор любит; Простор богатому, как щука в воде*.

Широта как качество русского менталитета была проанализирована А.Д. Шмелёвым с соавт. [14]. Он констатирует «широту русской души», привлекая языковые и литературные данные. В русской языко-

вой картине мира широкий человек (т.е. любящий широкие жесты или даже живущий на широкую ногу), или человек широкой души, противопоставляется мелочному человеку, мелочность осуждается в русской культуре. Ср. также: *широта взглядов – ограниченность воззрений*.

Устойчивая лексическая символика – это репрезентанты социокультурных стереотипов определенного лингвокультурного сообщества. Ее использование позволяет удваивать действительность, располагая рядом с миром непосредственно отражаемых предметов мир образов, отношений и качеств. Человек волен произвольно управлять этим вторым миром, оперируя данными элементами независимо от их реального наличия. Таким образом, восприятие и осознание человеком окружающей действительности в различных его формах зависят от культурно-исторического фона и социокультурных стереотипов, стимулирующих закрепление за словом различных коннотаций. Символические формы мышления и дискурсивной деятельности человека порождают и новые формы осознания мира, т.е. новые смыслы. Происходит кодирование исходного мыслительного содержания в знаково-символической форме, что добавляет к нему элементы чувственного переживания – коннотативные смыслы, формирующиеся в соответствии с национально специфичными социокультурными стереотипами.

Литература

1. **Маркарян Э.С.** Очерки теории культуры. Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1969. 228 с.
2. **Леонтьев А.А.** Деятельный ум: деятельность, знак, личность. М. : Смысл, 2001. 392 с.
3. **Красных В.В.** Система координат лингвокультуры сквозь призму Homo Loquens // Язык. Сознание. Культура : сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. Москва ; Калуга : ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2005. С. 61–70.
4. **Красных В.В.** Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С. 10–24.
5. **Мильтруд Р.П.** Язык как символ культуры // Язык и культура. 2013. № 2 (22). С. 43–60.
6. **Кассирер Э.** Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры. М. : Гардарики, 1988. С. 3–30.
7. **Алефиренко Н.Ф.** Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2010. 288 с.
8. **Белый А.** Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. М. : Искусство, 1994. Т. 1. 478 с.
9. **Кравченко А.В.** Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. 320 с.
10. **Шелестюк Е.В.** О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 125–142.
11. **Рябцева Н.К.** Аксиологические модели времени // Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 78–95.
12. **Тойнби А.** Постигание истории / пер. с англ. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
13. **Бердяев Н.А.** Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 208 с.

14. *Шмелев А.Д., Зализняк А.А., Левонтина И.Б.* Широта русской души // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 51–54.

SYMBOLS IN THE RUSSIAN COMMUNITY LINGUOCULTURAL

Fedoseyeva L.N. PhD, Head of the Department of Foreign Languages, Academy FPS of Russia (Ryazan, Russia). E-mail: LN-FEDOSEEWA@yandex.ru

Abstract. Article is dedicated to the symbolic level of linguistic culture as the most nationally specific. The article defines the nature of the symbol, deals with its' interpretations suggested by distinguished scientists considering this issue, emphasizes the importance of the symbol for linguoculture: it makes possible to enter the world of nonobjective semantic relations. It also identifies the main purpose of the symbol – to connect ideal and real world in person's consciousness. The article compares the symbols and the images, signs of indirect nomination. Concrete examples make it possible to determine the symbolic meaning of certain words. The author comes to a conclusion that sustainable lexical symbolics represents sociocultural stereotypes of the linguocultural community. Its' use allows to double reality placing near the world of reflected images the world of objects, relations and qualities.

Keywords: symbol; linguoculture; Linguocultural community; image; meaning; sociocultural stereotype.

DOI 10.17223/19996195/30/11